

ББК 82; 85.314
УДК 784.3; 398.8

«Я люта была по горам ходить»: круговой хоровод старообрядцев-«поляков» из собрания С. И. Гуляева

Людмила Петровна Махова

(Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского:
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Б. Никитская, д. 13/6)

***Аннотация.** В статье рассматривается круговая хороводная песня старообрядцев-«поляков» «Я люта была по горам ходить» (другое название «Стрела»), пять песенных вариантов которой записаны в Алтайском крае, Республике Алтай и Республике Казахстан в 1976–2016 гг. Старообрядцы принесли с собой эту песню из Ветки и Стародуба, поселившись на Алтае по указу Екатерины II в 1766 г.*

Автору удалось выявить три песенных сюжета, генетически связанных с полесским обрядом «похорон стрелы». Они исполняются на один со «Стрелой» напев, с композицией песенной строфы ААББ, в чем проявляются черты музыкального стиля, созданного старообрядцами на Алтае. В отличие от Полесья, на Алтае формульный напев сопровождается не только шествием, но и круговые хороводы, что зафиксировано С. И. Гуляевым и подтверждено экспедиционными записями. Проводится реконструкция двух вариантов текста, содержащихся в рукописи С. И. Гуляева «Песни круговые» (1848).

Издание ранее не публиковавшихся текстов из собрания С. И. Гуляева вместе с вариантами их музыкального воплощения обогащает знание о песенной культуре бывшего Алтайского горного округа, свидетельствует об уникальности традиции старообрядцев-«поляков», на протяжении более 250 лет сохраняющих весеннюю приуроченность и политекстовый характер напева «Стрелы».

***Ключевые слова:** С. И. Гуляев, Алтайский горный округ, старообрядцы-«поляки», весенние хороводные песни, «Стрела».*

***Дата поступления статьи:** 3 октября 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 марта 2020 г.*

***Для цитирования:** Махова Л. П. «Я люта была по горам ходить»: круговой хоровод старообрядцев-«поляков» из собрания С. И. Гуляева // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 11–35.*

***DOI:** 10.26158/TK.2020.21.1.001*

Весной 2004 г. в ходе работы комплексной этнографической экспедиции¹ в селах старообрядцев-«поляков»² Сибирячихе и Топольном Солонешенского р-на Алтайского края были записаны поминальный обряд Троицкой родительской субботы и празднование Троицы в живом бытовании; множество легенд, быличек и заговоров, а также лирические и свадебные песни, описания свадебного и похоронного обрядов, включая причитания. Так как Троица — последний день, когда водят весенние хороводы, им уделялось особое внимание. Итогом работы экспедиции явились видео- и аудиозаписи 26 хороводных песен, тексты 10 из которых известны по публикациям С. И. Гуляева³, в том числе удалось осуществить единственную в период 1966–2016 гг.⁴ аудиозапись хороводной песни «*Лучина, лучина березовая*» [Гуляев 1848, 100; НЦНМ. И. 5209–13].

В селах Сибирячиха и Топольное бытует весенняя хороводная песня, именуемая «Стрелой», которую «поляки» принесли с собой на Алтай из Ветки и Стародуба. В Сибирячихе местный певческий ансамбль исполнял ее с зачином: «*А я взойду на гору, да пушу стрелу*» (пример 1). Н. Ф. Черепанова, не участвовавшая в ансамбле, на напев «Стрелы» спела второй текст: «*Я лиха была по горам ходить*», с сюжетом о смерти мужа, который «разнемогается» после того, как его жена разорила гнездо соловья, посылает жену за водой и умирает к ее возвращению (пример 2).

Во время краткой встречи с Н. Ф. Черепановой ночью накануне отъезда экспедиции она спела далеко не все песни, которые знала. Продолжить работу удалось только через семь лет, когда автор статьи

приехала в село повторно. В 2011 г. мы подарили исполнительнице сборник статей Московской консерватории «Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии», в котором опубликованы ее фотографии [Махова 2009, вклейка, фото 7] и варианты песни «Ты лети, стрела». Ознакомившись с публикацией, Надежда Филипповна спросила: «*А где вторая песня?..*» В процессе записи она предложила: «*Вот эти давайте я вам спаяю, тут две <песни> в адном... А вы запишете. Тут "Полети, стрела" — адна песня, <ее> начало... А эта — "Я лиха была да на гарам хадить" — <другая>*» (напевает. — Л. М.). <...> *Две тут песьни*» [НЦНМ. V. 359–18]. Говоря о том, что песни «две в одном», исполнительница имела в виду напев, на который они исполняются, и мотив оплакивания молодца тремя женщинами (матерью, сестрой и женой), который завершает текст обеих песен. Она также отметила, что «Стрела» исполняется первой и сопровождает шествие участников гулянья на Пасху или Троицу из села на гору, к месту вождения хороводов, а второй текст — «Я лиха была по горам ходить» — поют на полянке, ходят по кругу, взявшись за руки.

Шествие на Алтае организовано не шеренгами, как в Полесье, а парами между двумя рядами, называемыми «стенами» (илл. 1). Участники выстраиваются в два ряда («стены») друг напротив друга (см. илл. 2, а). Движение начинает самая последняя в линиях пара — две девушки или девушка с молодой женщиной проходят вперед между рядами, взявшись за руки (илл. 1, 2, б). За первой парой следуют другие. В конце коридора образовавшие пару расходятся, становясь в линии (илл. 2, в).

¹ В составе В. Л. Кляуса (ИМЛИ РАН), М. Левита (Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес), А. С. Обухова (МПУ) и автора статьи.

² Поселившись на Алтае русских старообрядцев из Ветки и Стародуба местное старожильческое население прозвало «поляками». Топонимическое название произошло из аналогии: «поляки» — пришедшие из Польши. М. В. Швецова, автор первой монографии о «поляках», считала, что основная их масса прибыла на Алтай после 1764 г., т.е. после разорения Ветки генералом Масловым, который «вывел оттуда до 20 тысяч раскольников» [Беликов 1898, 39]. Ю. С. Булыгин со ссылкой на Государственный архив Алтайского края (Ф. 1. Оп. 1. Д. 866. Л. 141–142) указал: «Заселение ведомства Усть-Каменогорской крепости «поляками» началось в 1766 году» [Булыгин 1974, 97].

³ См.: [Гуляев 1839; Гуляев 1848].

⁴ В Научном центре народной музыки им. К. В. Квитки Московской консерватории хранятся коллекции аудио- и видеозаписей 20 экспедиций на Алтай, которые состоялись в 1966–2016 гг. [Махова 2018].

⁵ Далее структура песенной строфы сохраняется; в круглых скобках стоят добавочные слоги.

Пример 1

Алтайский край, Солонешенский р-н
с. Сибирячиха (старообрядцы-«поляки»)

а |
а | b |
b | b |

0. А // 1. Я взой-ду на га-ру, да пу-щу стре-лу, да пу-щу стре-лу да.

Дударева М. С.:
Чернакова В. Л.:

Соловьёва А. П.:
Стрельцова П. И.:

Для окончания:

(11). сёрд - цень-ка вы - кру - шит.

1. (А) я взайдú на гарú,
(Да) я взайдú на гарú, да пуцу стрелу,
Да пуцу стрелу.
2. (Да) палетí, стрела,
(Да) палетí, стрела, вдоль па úлицы,
Вдоль па úлицы⁵.

(Да) ты убей, стрела, дóбрыва мóладца.
(Да) как па мóладцу плакать нéкаму:
5. (Да) мать-та старенька, сестра мáленька,
(Да) маладá жена маладéшенька.
(Да) уж как мать плачет — как река течёт;
(Да) как сестра плачет — как ручей течёт;
(Да) как жена плачет — как расá падёт.
10. (Да) солнце вы́гленит, рóсу высушит,
(Да) маладóй жене сёрдценька вы́крушит
(на Пасхальной неделе и в Троицу шествие парами между двумя «стенами»)
[НЦНМ. И. 4573-02].

Пример 2

Алтайский край, Солонешенский р-н
с. Сибирячиха (старообрядцы-«поляки»)

1. Я ли - х́а бы - ла,
Да я ли - х́а бы - ла па га - ра́м ха - д́ить,
Па га - ра́м ха - ди-т́(и).

2. А и - щё ли - ш́ей,
Да а и - щё ли - ш́ей(и) са - ла - вья́ за - рить,
Са - ла - вья́ за - рить.

3. Да рас - са - ло - вью - шка,

1. Я лиха была,
(Да) я лиха была па гарам хадить,
Па гарам хадить.
2. А ищё лишэй,
(Да) а ищё лишэй салавья зарить,
Салавья зарить⁶.
3. (Да) рассаловьюшка,
(Да) рассаловьюшка — тёплым гнёздышка,
Тёплым гнёздышка.

(Да) захател мой милый ключевой вадый —
5. (Да) я са вёчера за вадой пашля,
(Да) ка палуначи на гару взалла.
(Да) на гару взалла, ка мне весть пришла⁷:
(Да) ох, как мой-та милый упакбилса;
(Да) резвы ножаньки павдоль лавачки,
10. (Да) белы рученьки ка белой груди,
(Да) уста сахарны запечатались.
(Да) ой, как мать плачит — как рика течёт,
(Да) как сестра плачит — как ручьи бегут,

⁶ Далее куплеты песни исполняются без цезуры, «да» переносится в начало песенной строфы.

⁷ Вариант строки в записи 2011 г.: «Да ка белу свету ка мне весть пришла» [ИЦНМ. И. 5251–19].

(Да) а жена пла́чит — как раса́ падёт.
 15. (Да) солнца вы́гленит, росу высушит
 [НЦНМ. И. 5209–16].

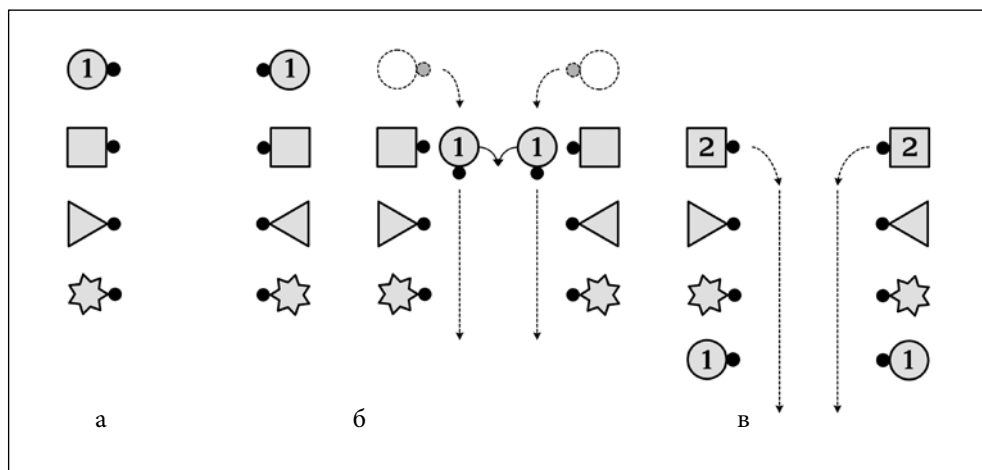
Во время записи этой песни в 2011 г. исполнительница спела еще одну строфу:

(А) маладо́й жене сердце вы́крушит
 [НЦНМ. И. 5251–19].

Илл. 1. Способ вождения «Стрелы»: шествие парами между двумя «стенами». Пара в центре: П. И. Стрельцова и А. П. Соловьева. Село Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края. Фото А. С. Обухова. 2004 г.

Fig. 1. The method of leading the "Arrow" dance: a procession in pairs between two "walls." Sibiryachikha Village, Soloneshenskii District, Altai Territory. Photo by A. S. Obukhov, 2004

Илл. 2. Схема шествия парами между двумя «стенами»
 Fig. 2. Scheme for the procession in pairs between two "walls"

Хоровод считают *девичьим* в Сибирячихе и Топольном Солонешенского р-на, Ново-Шипунове Шипуновского р-на, Чарышском Чарышского р-на, Верх-Слюдянке и Усть-Калманке Усть-Калманского р-на Алтайского края. В с. Верхний Уймон Усть-Коксинского р-на Республики Алтай зафиксировано единственное описание шествия с участием парней, которые могут встать в любой ряд [НЦНМ. И. 1991–07]. В 2004 г. в реконструкции шествия для видеозаписи приняли участие случайно проходившие мимо женщины 35–50 лет, прекрасно знающие особенности движения (см. илл. 1). В наши дни Троицу отмечают как съезжий праздник. В 2011 г. в с. Лютаево под пение «Стрелы» в шествии принимали участие девушки и женщины всех возрастов из нескольких соседних сел Солонешенского р-на, а в последующем вождении круговых хороводов — молодежь, включая парней.

Горная часть Алтайского края известна под названием Камень, поэтому ее жители именовались «каменщиками». С 1740-х гг. туда («в Камень») уходили представители разных сословий. Старообрядцы бежали «от гонений за веру, стремясь сохранить “истинное благочестие” и обрести здесь легендарное “Беловодье” — страну, где всем свободно и легко живется, без всяких хлопот и притеснений. <...> Сюда бежали солдаты от пожизненной службы, наконец, заводские крестьяне и рабочие от “бергальства” и крепостные от своих господ» [Бломквист, Гринкова 1930, 9].

Старообрядцы-«поляки», поселенные на Алтае на правах государственных крестьян, не привлекались к работам на рудниках и заводах, но 21 мая 1779 г. был издан манифест о приписке к заводам крестьян «из казенного ведомства»,

живущих в ближних к заводам и рудникам местностях. В результате «поляков» постигла участь остальных алтайских крестьян: они стали «подвержены рекрутскому набору в горнорабочие и мастерские при рудниках и заводах» [Швецова 1899, 18]. До 1849 г. служба в мастерских была бессрочная, поэтому, когда можно было, «поляки» «...откупались от нее при помощи взяток, если же откупиться не удавалось, бежали в горы, на Бухтарму, в Уймон и другие места» [Там же, 19]. В течение нескольких лет указ 1779 г. не исполнялся. Впервые к заводским работам «поляки» были привлечены в 1798 г. [Там же, 17].

Село Верхний Уймон Усть-Коксинского р-на Республики Алтай было основано в 1796 г. беглыми в горы старообрядцами, впоследствии названными уймонскими каменщиками⁸. Тесным контактам «поляков» Солонешенского р-на Алтайского края и уймонских каменщиков способствовал также Уймонский колесный тракт⁹. Поэтому в Верхнем Уймоне «Стрела» и связанный с нею сюжет о смерти мужа исполняются на напев, родственный напеву с Сибирячихи. В 1980 г. обе хороводные песни в сольном исполнении записал В. М. Щуров. Исполняя «Стрелу», А. Е. Вдовина (80 лет) интонировала не очень уверенно, о чем несколько раз сообщала собирателю («нет, не тот голос!»), но при этом соблюдала структуру песенной строфы — ААББ (пример 3). Через две другие песни она сама вышла на стабильный¹⁰ напев «Стрель» с текстом «Я *кака-то люта по горам ходить*» (пример 4). Обе песни исполнительница назвала «стеновыми»: «*Дак эта две стены. Не кругам!*» — <И она называлась “стеновая”? (Собиратель повторил слова респондентки)> — Ну, ну... (утвердительно)» [НЦНМ. И. 1991–04].

⁸ *Уймонские каменщики* — старообрядцы, проживающие на территории Уймонской степи, по р. Уймон (местное название верхней части р. Катуня ниже впадения в нее р. Кокса) и р. Аргут, правого притока Катуня. Гуляев посвятил алтайским каменщикам статью, опубликовав ее в семи выпусках «Санкт-Петербургских ведомостей» [Гуляев 1845].

⁹ *Уймонский тракт* — оканчивается в Котанде, «...идет от нее через Уймонскую степь до Верхнего Уймона, далее на Коксу и Абай, а оттуда к северу, через ряд долин и высоких перевалов, в большое торговое село Алтайское, откуда уже имеется правильное почтовое сообщение с г. Бийском» [Бломквист, Гринкова 1930, 28].

¹⁰ Процесс вспоминания напева можно наблюдать по опубликованной нотации: [Щуров 2009, № 26, 59–61 (ноты)].

Пример 3

Республика Алтай, Усть-Коксинский р-н
с. Верхний Уймон
(старообрядцы: каменщики + «поляки»)

1. Палитáй, стрилá,
Палитáй, стрилá, вдоль па (в)у́лачки,
Вдоль па (в)у́лачки¹¹.

Ты убей, стрилá, дóбрава мóладца.
Как аб мóладцы плакать нéкаму:
Как и мать плáщит — как рикá тикёт;
5. Как атéц плáщит — как и дождь идёт;
Как жанá плáщит — как расá падёт.
Ишо сóнса вжайдёт — росу высушит
[НЦНМ. И. 1991-04].

Пример 4

Республика Алтай, Усть-Коксинский р-н
с. Верхний Уймон
(старообрядцы: каменщики + «поляки»)

Реконструкция песенных строк:

♩ = 105

1. Я ка - ка́ - та лю - та да,
2. Я та - во́ лю - тей да.

(1). Я ка - ка́ - та лю - та па га - ра... - (а)м ха - дить,
(2). Я та - во́ лю - тей са - ла - вье... - (о)в за - рить,

(1). Па га - ра... - (а)м ха - дить.
(2). Са - ла - вье... - (о)в за - рить.

Стабильно спетая строфа:

3. Ра - за - ри - (и) - ла са - ла - вья да,
Ра - за - ри - (и) - ла са - ла - вья в тёп - лым гне... - (е) - зду - шки,
В тёп - лым гне... - (е) - зду - шки.

¹¹ Далее структура строфы сохраняется.

Реконструкция песенной строфы:

Вариант начала с добавочным словом:

1. Я какá-та люта,
Я какá-та люта па гарáм хадіть,
Па гарáм хадіть¹².
2. (Да) Я таво лютей салавьёв заріть:
3. (Да) **разаріла салавьё в тёплым гнёздушки.**
4. Вот и мой-ат милóй,
Забалёл-то милóй тижалёшаньки,
Тижалёшаньки.
5. (Да) захатёл-та милой ключивóй вады́, —
(Да) я са вёчиру на гарú пришла,
(Да) са палунаци воду щёрпала.
(Да) ка мне весть пришла, весть нирадашна¹³:
Бўдта мой-ат милóй приистáвилса¹⁴,
10. (Да) вдоль па лáвашки прираспрáвилса.
(Да) как аб мóладцы плакать нéкаму:
Как и мать плáщит — как рика тищёт,
(Да) как *атéц*-та плáщит — как и дожь идёт,
Как жанá плáщит — как расá падёт,
15. Ишó сóнса вэйдёт, росу высушит
[НЦНМ. И. 1991–07].

Тексты песен «Я лиха была по горам ходитъ» и «Я взойду на гору да пуцу стрелу» состоят из двух частей: собственно сюжета и мотива оплакивания умершего тремя женщинами: матерью, сестрой и женой. В с. Сибирячихе по количеству текста в «Стреле» акцент смещен с мотива преднамеренного убийства молодца (3 строфы) на мотив его оплакивания (8 строф (4–11), пример 1), а во втором сюжете — наоборот: основной

сюжет изложен в 11 строфах, а мотив оплакивания — только в 5 (пример 2).

В песнях с. Верхний Уймон вместо сестры молодца оплакивает отец. В порядке появления каждый следующий персонаж плачет менее горько. Одинаковое окончание текстов песен исполнительница охарактеризовала словами: «Вот они с «Полетай, стрела» подпослёт-та сходятса, с той пёсней-та» [НЦНМ. И. 1991–07].

¹² Далее структура строфы сохраняется.

¹³ Нерадостна.

¹⁴ Перестáвилса = преставился.

Развернутый мотив оплакивания в лирической песне типа «Горы Воробьевские» содержится в алтайском варианте «юнацкой» (молодецкой) песни «*Матушка ты, зелена ёлинка!*»¹⁵: Под «елинкой» лежит убитый молодец, после просьбы к дереву опустить «зелены ветвь / Уж с вершины <...> до комлю» и прикрыть «тело бело, / Чтоб от солнца оно не горело; / Чтобы дождичком его не мочило, / Буйным ветричком его не сушило», к телу прилетают три ласточки — мать, сестра и жена убитого:

Три бы ласточки, три касаточки
 Ко нему прилетали;
 Три косатые вокруг увиались:
 Перва ласточка — матушка родима,
 Втора ласточка — сестра родная,
 Третья ласточка — жена молодая.
 Родна матушка плачет, как река течёт.
 Родна сестрица плачет, как ключи кипят,
 Что ключи кипят подземельные.
 Молода жена плачет, как роса падёт,
 Что роса падёт ранняя, утренняя.
 Взойдёт солнышко — росу высушит
 [РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (4).
 Л. 44–44об].

Сравним второй сюжет, исполняющийся на напев «Стрель», с текстом из с. Янова¹⁶ Ветковского р-на Гомельской обл. Белорусии. Ветковский вариант начинается словами: «*А мой миленьки из Масквы прыйшоў / <...> занядужыўся*». Он не содержит причины недомогания мужа и не имеет мотива возмездия (наказания) за поступок жены, как в тексте из с. Верхний Уймон: разорение гнезда — «*Разаріла салавья в тѣплым гнѣздушки*»; «возмездие» — «*Забалѣ-то милой тижалѣшаньки*» (пример 4, строфы 3 и 4). Со стиха «*Забажай млы из моря вады*» текст представляет собой вариант аналогичного развития сюжета — муж посылает жену за водой и умирает к ее возвращению.

А мой миленьки из Масквы прыйшоў,
 [Ох и ой лёли, из Масквы прый<шоў>].

Ой, ля - ти, стря - ла, да ю - доль, ся - ла,
 Ой ли, вой, ле - ли, да ю - доль, ся - ла.

[Там же, 38].

Да из Масквы прыйшоў, занядужыўся.
 Да забажай млы из моря вады,
 Ой да тыя ж вады тры часы хады.
 Да я у первом часу па ваду ишла,
 Да я у другом часу ваду чэрпала,
 Да(й) а ў трэтыём часу я ваду нясла.
 Да я к варотычкам — там званы звоняць,
 А я й у сенечках — галасы гудуть.
 Ой де мати плача — там река тячэ,
 Ой де сястрычанька — там крыничанька,
 А йде жана плача — там расы нема
 [Марченко 1989, № 23, 169].

В статье «Песенный репертуар обряда “похорон стрелы”» Ю.И. Марченко отметил, что в публикации представлены песни, «которые исполняются во время шествия участников обряда по селу, <...> составляют единый цикл и поются на один напев без какой-либо определенной последовательности» [Там же, 159]. При этом он определяет «Стрелу» «как песню, занимающую центральное место в обряде и вместе с тем как одну из форм, немислимую без других, выполняющих общие с этой песней функции» [Там же, 160]. По мнению исследователя, песни балладного содержания «могли привлечь развернуто-стью сюжета, может быть, драматизмом, поскольку сама «Стрела» содержит мотивы убийства, похорон» [Там же].

Песне «Ты лети, стрела» и ее распространению благодаря миграции старообрядцев — выходцев из Ветки Стародубья — посвящена статья «“Стрела” в восточном Полесье: обряд и песня» [Савельева 2014].

В основе полесского песенного типа «Стрелы» лежат:

- 1) 10-сложный стих с цезурой в середине (5 + 5);
- 2) слоговая ритмика в виде шестимерного пятисложника с силовым логическим (ударность слога поэтического текста) и временным (выделение долготой) акцентом на третьем слоге;
- 3) форма поэтической строфы АБПБ, например:

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (4). Гуляев. С. И. Песни девичьи, женские и юнацкие. № 16 в разделе «Песни юнацкие».

¹⁶ Соб. Ю. И. Марченко и Л. И. Петрова. 1983 г. [ФА ИРЛИ. Кол. 411Ф. МФ 2756.10].

В ансамблевом варианте трихорд читается только как «отпечаток» в основном нижнем голосе, к которому верхний подголосок добавляет терцовую втору:

трихорда (целой нотой выделен основной устой), и в 4-й строфе «победил» второй — опрокинутый вид трихорда с секундой внизу:

В мелодической фразе второй половины напева Сибирячихи (раздел Б, примеры 1 и 2) и Верхнего Уймона (пример 4) появляется минорная терция с субквартой — «оминоренный» вариант тетрахорда в сексте, который Рубцов даже «в напевах, испытавших видоизменения, заимствующих выразительные средства, присущие диатонике», относит к летнему периоду, в том числе к Троице [Там же, 29]. Переход к «летнему звукоряду» осуществляется с помощью нисходящего постепенного хода (схема к примеру 1):

Исполнительница из Верхнего Уймона (пример 4) вспоминала напев в процессе пения. Возможно, поэтому в мелодии между собой «спорили» два

Переселенцы из Сибирячихи повлияли на традицию сибиряков-старообрядцев Чарышского р-на в селах Малый и Большой Башцелаки, а также Вершина Башцелака¹⁸. Большой Башцелак был основан в 1822 г. старообрядцами-беспоповцами поморского согласия¹⁹. Местных жителей из-за отличий в вероисповедании «поляки» Сибирячихи²⁰ называли «чунарями» (чудными), однако выдавали девушек-«полячек» замуж²¹ за тех башцелакских парней, которые признавали брак. До 1936 г. Большой Башцелак был большим, а Малый — малым. Позднее в Малом Башцелаке разместили администрацию сельского совета, после чего Малый Башцелак стал намного многочисленнее Большого по населению. В каком из двух сел родилась исполнительница, неизвестно, но второй сюжет с зачином «На излом заря занималась» был записан в Малом Башцелаке (пример 5).

¹⁸ В 1967 г. с. Вершина Башцелака населяли беспоповцы двух согласий: филипповцы и федосеевцы (Материалы экспедиции Московской государственной консерватории под руководством И. К. Свиридовой. ИЦНМ. РФ. Ед. хр. 63. Тетр. № 2 (черновик). С. 142).

¹⁹ У поморцев на Алтае был свой монастырь на р. Белой, около 25 км от Малого Башцелака.

²⁰ В с. Сибирячихе старообрядцы-«поляки» как единая этнографическая группа — наследники поповского вероучения. В XIX в., после кончины священников, одна часть стала единоверцами — принимала попов из господствующей церкви при условии совершения служб по древним обрядам (в селе был единоверческий деревянный Никольский храм). Другая часть проводила богослужения на дому у наставника без попов и вынужденно стала «беспоповцами» (часовенными), назвав себя «кержаками». Название «кержацкий край» обозначает юго-западную окраину села. Обе группы старообрядцев сохранили двоеперстие, старообрядческий текст пасхального тропаря, иконы «старого письма», а также «медные» литые иконы и кресты (большой напрестольный крест чаще всего стоит на божнице в красном углу домов).

Для культурной традиции «поляков» как этнографической группы характерно стилистическое единство в приготовлении поминальных обедов «на живом огне» по старинным рецептам, включающим употребление картофеля; общие свадебный обряд, песни и причитания, традиции вождения хороводов, в том числе под песню «Ты лети, стрела», которую они принесли с собой из Ветки. О различиях в поминальной обрядности см.: [Махова 2009, 194].

После того как в селе в 1928 г. сторел единоверческий храм, единоверцы служб не ведут. Часовенные сохранили богослужения по старопечатным книгам, лестовки (чётки с символикой названия, формы и чисел) и подручники (специальные квадратные стеганные коврики под руки, используемые при земных поклонах), носят нательный пояс, соблюдают «правило чашки» и «закрывают» посуду: на чашку сверху кладут ложку; ведро с водой «закрывают» («закрепляют», произнося Иисусову молитву или «Аминь») двумя длинными тонкими щепками (лучинами), положенными крест-накрест (Материалы экспедиций автора статьи 2004, 2011 и 2016 гг.).

²¹ Из с. Сибирячихи В. Л. Чернакова (урожд. Денисова) вышла замуж в Большой Башцелак и прожила там 12 лет.

Пример 5

Алтайский край, Чарышский р-н
с. Малый Башчелак
(старообрядцы: сибиряки + «поляки»)

$\bullet = 60$

1. На из - лом - та за - ря да,
На из - лом - та за - ря да за - ни - ма... - (а) - ла - ся да,
за - ни - ма... - (а) - ла - ся.

1. На излом-та заря (да),
На излом-та заря (да) занималась (да),
Занималась²².

Ясна солнушка (да) закаталася.
Я люта́-та была (да) па гарам хадить,
А ищё-та лютей (да) салавья зарить.

5. У саловьюшка (да),
У саловьюшка (да) свита гнёздушка (да),
Свита тёплая
(Запись из архива чарышского собирателя фольклора
Н. Д. Карпова; копия в [НЦНМ. И. 5320-03]).

Из краткого текста примера 5 мы узнаем о том, что женщина отправляется разорять гнездо соловья в недоброе время суток — после заката солнца, т.е. ночью. К сожалению, на этом аудиозапись обрывается, а продолжение текста и сведения о способе вождения хора отсутствуют.

В 1976 г. в с. Усть-Чагырке²³ Краснощекского р-на Алтайского края композитор и фольклорист (в то время студент Новосибирской консерватории) В. В. Асанов записал два хора: «Я люта была да по гарам хадить» (пример 6) и «Возле тын хожу, да мелкий пёр²⁴ сажу» [НЦНМ. А. 035-06, 07]. На аудиозаписи между

ними исполнительница молчит 4 секунды. Предположительно, зная, что оба сюжета исполняются на один напев, она спела их без объявления, но через паузу. В экспедиционной тетради они составляют единый текст. Известен вариант хора «Па саду хаджу, цвет рамон саджу» из с. Неглюбки Ветковского р-на Гомельской обл. Белоруссии (см. ниже), т.е. в репертуаре старообрядцев-«поляков» он также является «наследием Ветки». Основой для напева является тетракорд в квинте (в разделе А тетракорд звучит в чистом виде, а в разделе Б используется дополнительный тон ля):

²² Далее структура строфы сохраняется.

²³ Усть-Чагырка основана в 1744 г. казаками, была сожжена и заново построена в 1748 г. После постройки новой линии оборонительных укреплений казаки были переселены в другие села. Фамилия исполнительницы среди казачьих родов не обнаружена — предположительно она из крестьян (сибиряков, старожилов).

²⁴ Пёр — лук на перо.

1. Я люта была,
Я люта была (да) по гарам хадить (да),
По гарам ходить²⁵.

Я люта была да по гарам хадить да.

По гарам ходить.

1. Я люта была,
Я люта была (да) по гарам хадить (да),
По гарам ходить²⁵.
2. Я таво лютей (да) салавья зарить (да).
3. У саловьюшка (да) (й)один гнёздышко (да),
4. (й)У меня, молодой, — один милинькой (да)*²⁶
[НЦНМ. А. 035-07; АТМ. А0003-178].

Продолжение текста:

5. Он не пьёт, не ест (2) мёду сахару, (2)
Он не кушает (2) (да) сладкой водочки. (2)
Пожелал мой муж (2) со ключа воды. (2)
Я со вечера (2) воду черпала, (2)
Ко рану утра (2) ко мне весть пришла: (2)
10. Будто мой милой (2) **приналадился, (2)**
Вдоль по лавочке (2) принаправился (2)
(Материалы фольклорной экспедиции в Алтайский край, 1976 г.
Дневник № 3. С. 15-16) [АТМ].

В Полесье обряд «похорон стрелы» приурочен к Пасхе (откапывают стрелу) и Вознесению (закапывают, «ховают стрелу»). Н. М. Савельева отмечает, что «обряд приобретал еще и функцию выделения календарного сезона, поскольку он открывал и закрывал период вождения хороводов от Пасхи до Вознесения (или Троицы)» [Савельева 2014, 35-36]. Неглюбский вариант «*Па гарэ ж хаджу,*

я рамон саджу» исследователи относят к группе «походных» песен-хороводов «шарэнгавага тыпу», исполняемых в обряде «похорон стрелы» на Вознесение («Ушэсце») [Кавалева 2015, 87]. Однако «часть песен, приуроченных к Вознесению, — весенние, впервые их исполняли на Сретение (в домах), и на Благовещенье (на улице). Хороводные песни весной исполняли в неподвижном хороводе: во

²⁵ Далее структура песенной строфы сохраняется. Слова исполнительница произносит по-разному: сохраняя «о» в безударной позиции, что характерно для «окающего» севернорусского говора («ходить»), но иногда меняет гласную на «а»: «хадить». Пример смешанного произношения: «по гарам».

²⁶ Знаком «*» обозначено окончание звучания фонограммы. Запись была выполнена в музыкально-этнографической студенческой экспедиции Новосибирской консерватории под рук. Ю. И. Шибанова [АТМ. А0003-178]. Далее текст приводится по рукописной тетради З. Р. Кремлёвой (Дневник № 3). Автор статьи выражает благодарность профессору Новосибирской консерватории Н. В. Леоновой за предоставленные страницы рукописи.

время пения девушки стояли, взявшись за руки» [Смирнова 2005, 225]. К таким весенним хороводам относится и неглюбский

«Па саду хаджу, цвет рамон саджу» [Там же, 226]. Напев его, родственный основному, имеет гемиольный ритм²⁷:

Па га - рэ ха - джу, я ра - мон са - джу,
Ой, лі, вой, лё - лі, я ра - мон са - джу.

[Кавалева 2015, 88–89] (пунктирная тактовая черта сохранена).

На тот же напев исполняется и вариант песни «Ой, ідзі, стряла, ў канец сяла» [Там же, 109].

В селе старообрядцев-«поляков» Выдрихе Шемонаихинского р-на Восточно-Казахстанской обл. в 1981 г. В.М. Щуров записал хороводную песню, начинающуюся словами «Ох, забалел-то ли мой милой» (пример 7) со структурой песенной строфы ААББ и увеличенным

ритмом произнесения слогов, в котором есть ячейки гемиольного ритма. В яркой мелодике напева использован ход по звукам минорного доминантового септаккорда — $V_{7(\text{нат})}$. Хоровод, как и в Сибирячихе, «в кругу водили». Сольный зачин декламационного характера исполняется в два раза подвижнее, чем следующий за ним ансамблевый подхват.

Республика Казахстан,
Восточно-Казахстанская обл. Шемонаихинский р-н
с. Выдриха (старообрядцы-«поляки»)

Обобщённый слоговой ритм запева:

За - бо - леп ми - лой

Реальный слоговой ритм запева:

1. Ох, за - ба - лёл - та ли мой ми - лой,

Обобщённый слоговой ритм 2-го периода:

За - бо - леп ми - лой

Реальный слоговой ритм 2-го периода:

Ох, за - ба - лёл - та ли мой ми - лой да,

²⁷ Ю.И. Марченко отметил, что «календарно-хороводные напевы такого строения широко представлены в публикациях (см., например: Свитова К.Г. Народные песни Брянской области. М., 1966. № 80. С. 116; № 88. С. 127–128)» [Марченко 1989, 160]. В сборнике Свитовой нотированы хороводы сел Остроглядово и Мишковка Стародубского р-на Брянской обл.

1. Ох, [за - ба - лёл] - та ли мой ми - лой,
 ох, за - ба - лё - л(ы) - та ли мой ми - лой, да
 ва па - стё... - (э-э) - лю слёг, да
 ва па - стё... - (э-э) - лю слёг.

1. [Ох, забалел-та ли мой милой],
 Ох, забалел-та ли мой милой (да), ва пастелю слёг (да),
 Ва пастелю слёг.
2. Ох, он ни пьёт-та, нищё ни ест,
 Ой, (й)он не пьёт-та, нищё ни ест (да): мёду с сахарам (да),
 Мёду с сахарам²⁸.
3. Ой, захатёл-та ли мой милой (да) ключевой вады (да).
4. Ой, ключевой-та ли он вады (да) са Дунай-реки.
5. Ой, я се ве(й)... са вёцира (да) за вадой ушла.
 Проговаривают словами:
6. За вадой-та я ушла (да), ка мне весть-та пришла,
7. Ка мне весть-та пришла (да), весть нирадастна
 [НЦНМ. И. 2061-04].

В Полесье на напев «Стрелы» исполняется несколько текстов (количество их в каждом селе различно) [Марченко 1989]. На Алтае автору статьи удалось выявить три песенных сюжета, генетически связанные с обрядом «похорон стрелы» и исполняющиеся на один со «Стрелой» напев. В восьми селах от исполнителей было записано по два сюжета (илл. 3).

Сюжеты «Стрела» (1) и «Я люта была по горам ходить» (2) зафиксированы в Сибирячихе («поляки») и Верхнем Уймоне (каменщики + «поляки»), а также

на Бийской казачьей линии [Плотников 1909, 8–10].

Варианты хороводных песен «Возле тын хожу» (3) вместе со «Стрелой» (1) бытуют в селах сибиряков (старообрядцев): Воробьёве Шипуновского р-на, Кабанове и Усть-Калманке Усть-Калманского р-на Алтайского края (в с. Кабанове — только в виде «зачина» к «Стреле» [НЦНМ. И. 1728–55]).

Два сюжета (2 и 3) без «Стрелы» записаны в Усть-Чагырке Краснощековского р-на Алтайского края, фрагмент второго

²⁸ Далее структура строфы сохраняется.

Илл. 3. Карта-схема распространения сюжетов хороводных песен с песенным типом «Стрела» и композицией ААББ:

1. — «Ты лети, стрела»
2. — «Я люта была по горам ходить»
3. — «Возле тын хожу, мелкий пёр (лук) сажу»
4. — «Я люта была» в качестве зачина к «Стреле»
5. — «По-за тыньню хожу» в качестве зачина к «Стреле»

Fig. 3. Diagram of the distribution of plots from round dance songs with the "Arrow" song type and AABB composition

сюжета — в Малом Бащелаке Чарышского р-на Алтайского края (см. пример 5). Два варианта текста «Я люта была...» содержит рукопись С. И. Гуляева «Песни круговые»²⁹ (1848).

В селах бухтарминских каменщиков Катон-Карагайского р-на Восточно-Казахстанской обл., в которые также подселялись «поляки», от сюжета «Я люта была по горам ходить» остались только мотивы выхода на гору и разорения гнезда соловья. Второй из них в виде

возможности — женщина может разорить гнездо соловья, но вместо этого слушает его «ядиную» (одну) песню: «Ты лети, стрела!». Зачин обозначен на карте (илл. 3) в виде четверти круга — .

(Да) я люта была,
Я люта была (да) па гарам хадить,
(Да) па гарам хадить³⁰.

(Да) я люта была (да) салавьёв зарить,
(Да) (й)у салóвьшки (да) пёсан слушати.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3). 39 л.

³⁰ Далее структура строфы сохраняется.

Бытование хороводной песни «Ты лети, стрела» в казачьих селах говорит о том, что казаки переняли ее от старообрядцев-«поляков», которые, как отмечал П. С. Паллас, селились «на место сломанных форпостов и станций по старой (казачьей. — Л. М.) линии и на лучших местах, находящихся по новой» [Паллас 1771, 211].

В. М. Щуров со ссылкой на работу Ю. С. Булыгина «Первые крестьяне на Алтае» отметил, что с 1776 г. по распоряжению Бийской комендантской канцелярии казаков, «отставных на поселение» и «отставных на свое пропитание», стали селить «в деревнях вместе с государственными крестьянами и даже с приписными» (к заводам. — Л. М.) [Булыгин 1974, 101]. «Такое положение дел, когда в одной и той же семье часть членов была на военной службе, а другая — работала в поле рядом с крестьянами, способствовало проникновению местных крестьянских обычаев <...> в казачью среду» [Щуров 2010, 12].

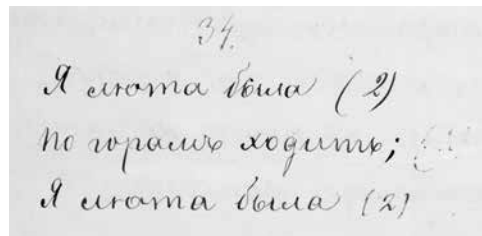
ТЕКСТЫ В РУКОПИСИ ГУЛЯЕВА

В статье «О сибирских круговых песнях» С. И. Гуляев писал: «Проведя юность в Западной Сибири, моей родине, я сохранил в памяти те явления ее жизни, которым, по времени собственной жизни, способнее был сочувствовать. Как помню, так и передаю их вам, но помню верно» [Гуляев 1839, 54]. Статья посвящена хороводным песням, известным, по мнению автора, «...во всем горном округе, как говорится, старому и малому, горожанам и сельским» [Там же, 57]. Вторая публикация хороводных песен состоялась через 9 лет [Гуляев 1848].

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде Е. А. Ляцкого хранится рукопись С. И. Гуляева, состоящая из 5 тетрадей, одна из которых носит название «Песни круговые»³⁵. Она содержит подготовленные к изданию 1848 г. 35 текстов³⁶, набело переписанных коричневыми чернилами крупным круглым почерком (высота букв 3–4 мм), а также правку

чернилами серо-черного цвета, учтенную в публикации. В статье «Этнографические очерки Южной Сибири» из 35 текстов круговых песен опубликовано без нумерации только 18³⁷. Позднее почерком Гуляева чернилами более темного цвета, чем основной текст, были дописаны 6 новых песен: № 18 на вклейке и № 35–39. Собиратель пополнял свое собрание текстов народной поэзии на протяжении жизни. Тетрадь «Свадебные обряды» имеет фрагменты, написанные в 1881 г.³⁸ От кого, где и когда Гуляев записал два варианта текста песни «*Я люта была по горам ходить*», неизвестно. В предисловии к собранию народной поэзии Колывано-Воскресенского (с 1834 г. — Алтайского) горного округа Томской губ. в тетради «Свадебные обряды» он отметил: «В статье нашей “Этнографические очерки Южной Сибири”, напечатанной в № 69 и 11 “Библиотеки для чтения”³⁹ на 1848 г., были, между прочим, помещены свадебные, обрядные, круговые, проголосные и плясовые песни, записанные в разных местах Ю[жной] С[ибири]»⁴⁰ и со слов приезжавших в Петерб[ург] жителей тамошнего края» [РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (2). Л. 4–4об].

Основной вариант текста песни «*Я люта была по горам ходить*» (№ 34) записан пятисложниками. С точки зрения композиции песенной строфы интересно самое начало песни: во второй строке текста собиратель указал повтор строки, а затем удалил его (илл. 4).

Илл. 4. Гуляев С. И. Песни круговые [РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3). Л. 34об]

Fig. 4. Gulyaev S. I. Round-dance songs

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3). 39 л.

³⁶ 35 текстов: № 1–17, 19–34 и 2 текста без номеров — «Во кузнице» и «Молодые-то ребята».

³⁷ Из рукописи 1848 г. опубликованы: № 1–12, 17, 19–23. Последний № 23. Лучина, лучина берёзовая [Гуляев 1848, 89–100].

³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (2). Л. 73–73об.

³⁹ Статья вышла в т. 90 [Гуляев 1848].

⁴⁰ На Алтае Гуляев записывал тексты до своего отъезда в Санкт-Петербург по окончании Барнальского горного училища (9 июля 1827 г.).

Изначально композиция песенной строфы текста указана Гуляевым верно — ААББ, но в результате «редакции» она получила усеченную структуру ААБ.

Л. 34об

- (1) Я люта была (2)
По горам ходить; (2) удалено
Я люта была (2)

Л. 35

- Соловьёв зорить.
(5) У соловьюшки (2)
Одно гнездышко,
У меня младой (2)
Один миленькой,
Да и тот живёт (2)
(10) Не в любви со мной.
Навязался мне (2)
Некошной старик,
Всё с ним шум, да крик. (2)
Иссушил меня
(15) Как былиночку; (2)
Как былиночку,
Как травиночку. (2)
Не пуска́т меня
Во беседушку. (2)
(20) Ко подруженькам.
Он и спит, не спит, (2)
Как одёр лежит,
На кроватишке; (2)
На кроватишке (зачеркнуто)
(25) Разнемогается;

Л. 35об

- Животом, сердцо́м (2)
Он скудается.
Он не пьёт, не ест (2)
Мёду сахару.
(30) Он не кушает (2)
Сладкой водочки.
Захотел мой хрыч (2)
Ключевой воды,
Ключевой воды (2)
(35) Из Дунай реки.
Уж как я млада (2)
Не ослушалась;
Как вставала я (2)
Молодешенька
(40) Утром рано я (2)
Что ранёшенько;
Умывалась я (2)
Да белёшенько,

Снаряжалась я (2)

- (45) Хорошохоньоко.
Взявши ведерцы (2)
За водой пошла

Л. 36

- На Дунай реку, (2)
Я со вечера
(50) Воду черпала, (2)
Со полуночи
На гору взошла; (2)
На гору взошла,
Ко мне весть дошла (2),
(55) *Ко мне весть дошла (зачеркнуто)*
Весть нерадошна:
Будто мой-от муж (2),
Некошной старик, —
Некошной старик (зачеркнуто)
(60) **Переставился.** (2)
Что лежит мой хрыч
Во новой горнице, (2)
Во новой горнице (зачеркнуто)
Вдоль по лавочке.
(65) Уж как тут млада (2)
Догадалась;
Догадалась (2)
Слезно всплакала;
Что перва́ слеза (2)

Л. 36об

- (70) Покатилася,
Что втора слеза (2)
Воротилася
[РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3).
Л. 34об–36об]

«В другом варианте этой песни, — указал Гуляев, — после стиха “*Мой-от миленький*” непосредственно следуют стихи: “*Разнемогается, животом, сердцом он скудается*” и т.д. до стихов: “*Что втора слеза воротилася*”, оканчивается же так:

Не нажить-то мне
Друга милова;
Друга милова⁴¹
Лучше прежняго
[РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3).
Л. 36об].

Пять аудиозаписей песни «*Я люта была по горам ходить*» (примеры 2, 4–7) демонстрируют устойчивую композицию

⁴¹ Первоначально коричневыми чернилами написано «милаго», затем серо-черными чернилами исправлено на «милова».

песенной строфы ААББ. Эти записи, а также повтор второй строки, указанный самим Гуляевым, позволяют произвести реконструкцию песенной строфы:

1. Я люта была,
Я люта была по горам ходить,
по горам ходить;
2. Я люта была,
Я люта была, соловьёв зорить,
[соловьёв зорить].

Текст из собрания Гуляева можно представить в виде 10-сложных строк (5 + 5), заключая необходимые дополнения (слова или повторы) в квадратные скобки:

- Я люта была (2) по горам ходить; [2]
Я люта была (2) соловьёв зорить. [2]

В тексте есть смысловые полустихи, которые при составлении в строку (стих) содержат законченную мысль, например:

- Захотел мой хрыч ключевой воды
[РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3).
Л. 35об, строки 32, 33].

Аналогичные строки встречаются в песенных алтайских вариантах:

- Захатёл мой милóй ключевой вады́
(пример 2, строфа 4; вариант: пример 4,
строфа 5).

В трех стихах излагается мотив добы-
вания воды:

- Я са вéчера за вадóй пашлá.
Ка палу́начи на гару́ взашлá,
Да ка белу́ съвету ка мне весть пришла
(пример 2, строфы 5, 6, вариант строфы 7).

Аналогично составляем строки из пя-
тисложников в записи Гуляева:

- Я со вечера воду черпала,
Со полуночи на гору взошла;
На гору взошла, ко мне весть дошла
[РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3).
Л. 36, строки 49–54].

Верность составления подобных смыс-
ловых строк не вызывает сомнений, так как
композиция их аналогична песенным вари-
антам. Однако в нескольких местах гуляев-
ского текста встречаются выписанные по-
вторы слов: одни из них *сохранены* (строки
15 и 16; 33 и 34; 52 и 53; 66 и 67), а другие *за-
черкнуты* (строки 23 и 24; 55 и 56; 58 и 59; 62
и 63). Перед реконструкцией всего текста не-
обходимо найти ответ на вопрос: насколько
традиционен повтор второго пятисложника
в начале следующей песенной строфы?

Композиция текста АБ + БВ встречает-
ся в записи лирической песни «*Матушка
ты, зелена ёлка!*»:

- Родна сестрица плачет, как ключи кипят,
Что ключи кипят подземельные
[РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (4).
Л. 44об].

В двух селах Катон-Карагайского р-на
Восточно-Казахстанской обл. Республики
Казахстан обнаружен аналогичный вид
повтора — композиция *текста* песенной
строфы: ААББ + ББВВ:

- (Да) как сестра плачет, (2) как ключи
шумят, (2)
Как ключи шумят (2) подземельные (2)
[Шуров 2009, 170]; с. Белое.
(й) У саловьюшки (да) (2) ядиная пёсёнка (2)
Как адна песня: (2) [«Ты ляти, стрела!» (2)]
[НЦНМ. И. 1775–31]; с. Коробиха.

Проведем реконструкцию текста из ру-
кописи Гуляева с учетом повторов, указан-
ных самим собирателем, — композиция
песенной строфы: ААББ. Пятисложники,
написанные курсивом в квадратных скоб-
ках, в рукописи Гуляева отсутствуют⁴².

1. Я люта была (2) по горам ходить; [2]
Я люта была (2) соловьёв зорить. [2]
У соловьюшки (2) одно гнездышко, [2]
У меня младой (2) один миленькой, [2]
5. Да и тот живёт (2) не в любви со мной. [2]
Навязался мне (2) некошной старик, [2]
[Некошной старик] [2] всё с ним шум,
да крик. (2)
Иссушил меня [2] как былиночку; (2)
Как былиночку, [2] как травиночку. (2)
10. Не пуска́т меня [2] во бесе́душку, (2)
[Во бесе́душку], [2] ко подруженькам. [2]

«Стрелы». В наши дни в селах «поляков» можно наблюдать ежегодно совершае-

мые в Троицу шествия на поляну для вождения там весенних хороводов.

Комментарии к нотным публикациям Все нотации выполнены автором статьи.

Пример 1. «Я взойду на гору да пушу стрелу». Зап. от старообрядцев-«поляков» (единоверцев): Василисы Лукитичны Чернаковой (урожд. Денисовой), 1937 г.р. (запевает), Матрены Сафроновны Дударевой (урожд. Бурькиной), 1927 г.р. (тянет верхний подголосок), Прасковьи Ильиничны Стрельцовой (урожд. Черепановой), 1926 г.р., Александры Павловны Соловьевой (урожд. Стрельцовой), 1933 г.р. и приезжей с Украины Надежды Тимофеевны Давыдовой, 1939 г.р. (не старообрядка), с. Сибирячиха, Солонешенский р-н, Алтайский край. Соб. В. Л. Кляус, Л. П. Махова, А. С. Обухов, М. Левит (аудио- и видеозапись). 2004 г. [Архив ИМЛИ 2004; НЦНМ. И. 4573-02 (общий канал), И. 4572-03, И. 4575-01 (скользящий микрофон)]. Комментар.: первый раз исполняли на Масленицу, катаясь в конных санях; на раннюю Пасху водили «кру́гом», на позднюю (когда дороги просохли) и Троицу — шествовали парами между двумя рядами («стенами») — см. выше (илл. 1, 2).

Пример 2. «Я лиха была по горам ходить». Зап. от старообрядки-«полячки» (единоверие) Надежды Филипповны Черепановой (урожд. Кашперовой), 1932 г.р., с. Сибирячиха, Солонешенский р-н, Алтайский край. Соб. Л. П. Махова, А. С. Обухов. 2004 г. [НЦНМ. И. 5209-16]; повторная запись: соб. Л. П. Махова. 2011 г. [И. 5251-19], 2016 г. [НЦНМ. И. 5525-05]. Комментар.: исполняли на горе; ходили кру́гом, взявшись за руки.

Примеры 3, 4. Зап. от старообрядки Анисьи Ефимовны Вдовиной, 1900 г.р., с. Верхний Уймон, Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай. Соб. В. М. Щуров. 1980 г. [НЦНМ. И. 1991-04, И. 1991-07]. Комментар.: под обе песни шествуют парами между двумя рядами («Стеной играют — в две стены»). Пример 4 ранее в нотации Я. И. Станишевского и Щурова опубли.: [Щуров 2009, 59-61].

Пример 5. «На излом заря занималася». Зап. от Анастасии Даниловны Фахрутдиновой, 1917 г.р. (урожд. с. Огни Усть-Калманского р-на), с. Малый Башчелак, Чарышский р-н, Алтайский край. Соб. Н. Д. Карпов. 1989 г. [НЦНМ. И. 5320-03].

Пример 6. «Я люта была да по горам ходить». Зап. от Марьяны Асафовны Бердюгиной, 1899 г.р., с. Усть-Чагырка, Краснощековский р-н, Алтайский край. Соб. В. В. Асанов, З. Р. Кремлёва. 1976 г. [АТМ. А0003-178; НЦНМ. А. 035-07].

Пример 7. «Ох, заболел-то ли мой милой». Зап. от старообрядок-«полячек» Марии Павловны Рамзиной, 1910 г.р., Марии Мелентьев-

ны Савутиной, 1913 г.р., Натальи Фоминичны Фирсовой, 1907 г.р., с. Выдриха, Шемонаихинский р-н, Восточно-Казахстанская обл., Республика Казахстан. Соб. В. М. Щуров. 1981 г. [НЦНМ. И. 2061-04]. Комментар.: «в кругу водили». Ранее в нотации Щурова опубли.: [Щуров 2004, 76-77].

Источники и материалы

АТМ — Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки.

Беликов 1898 — *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII–XVIII столетия); с приложением списка населенных мест Кольванской области за 1782 г. Томск: Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-414/> (дата обращения: 07.10.2019).

Бломквист, Гринкова 1930 — *Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.* Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы: Матер. Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Л.: Академия наук СССР, 1930. С. 1-48. (Серия Казахская. Вып. 17).

Булыгин 1974 — *Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1974.

Герасимов, Березовский 1909 — *Герасимов Б. (связи.), Березовский (подъесаул).* Несколько слов по поводу казачьих песен // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1909. Вып. IV. (6-я пагинация). С. 1-3.

Гуляев 1839 — *Гуляев С. И.* О сибирских круговых песнях // Отечественные записки. 1839. Т. 3. № 5. Отд. VIII. Смесь. С. 53-72.

Гуляев 1845 — *Гуляев С. И.* Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. 26 янв. № 20. С. 85-86; 27 янв. № 21. С. 89-90; 28 янв. № 22. С. 94-96; 3 февр. № 27. С. 117-118; 4 февр. № 28. С. 120-122; 6 февр. № 29. С. 125-126; 7 февр. № 30. С. 129-130.

Гуляев 1848 — *Гуляев С.* Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 90. СПб., 1848. [Разд.] III. Науки и искусства. С. 1-142. Из содерж.: С. 59-112: Песни [тексты святочных, хороводных, игровых, круговых, прогословных песен].

НЦНМ — Фонды Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чай-

ковского (в ссылках на материалы из фондов используются сокращения: И — инвентарный номер аудифонда, А — коллекция В. В. Асанова, V — видеофонд, РФ — рукописный фонд).

Паллас 1771 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 2. Кн. II: Физическое путешествие по разным провинциям Российской Империи, бывшее в 1771[1] г. / Пер. с нем. Ф. Томанского. СПб., 1786.

Плотников 1905 — *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска. I. Песни военные или походные // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. II. Семипалатинск: П. Плещеев и Ко., 1905. С. 1–19 (4-я пагинация).

Плотников 1909 — *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска. II. Хоровые и вечерочные // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. IV. Семипалатинск: П. Плещеев и Ко., 1909. С. 1–58 (6-я пагинация) со вступ. ст. (С. 1–3).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (2). *Гуляев С. И.* Песни свадебные. 80 л.; Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (3). *Гуляев С. И.* Песни круговые. 39 л.; Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 59 (4). *Гуляев С. И.* Песни девичьи, женские и юнацкие. 81 л.

Рубцов 1973 — *Рубцов Ф. А.* Основы ладового строения русских народных песен // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М.: Сов. композитор, 1973. С. 8–81.

Филиппова 2019 — *Филиппова И. А.* Плотников Владимир Николаевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 4: П — Софронов А. В. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 140–142.

Швецова 1899 — *Швецова М. В.* «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 26. Омск: Тип. Штаба Сиб. воен. окр., 1899. С. I–II, 1–92.

Щуров 2004 — *Щуров В. М.* Русские песни Алтая. Вып. 1: Песни Убинско-Ульбинской долины. М.: Композитор, 2004.

Щуров 2009 — *Щуров В. М.* Русские песни Алтайского Беловодья. М.: Луч, 2009.

Щуров 2010 — *Щуров В. М.* Песни алтайских казаков. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010.

Исследования

Кавалева 2015 — Лакальна-рэгіянальныя парадыгмы беларускага фальклору: вучэб.-метада. дапам: У 3 ч. Ч. 3: Пенці «Стралы». Русальныя песні / Р. М. Кавалева і інш.; Пад агул. рэд. Р. М. Кавалевай. Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, 2015.

Марченко 1989 — *Марченко Ю. И.* Песенный репертуар обряда «похорон стрелы» // Русский фольклор. Т. XXV. Л.: Наука, 1989. С. 159–181.

Махова 2009 — *Махова Л. П.* Поселения старообрядцев-«поляков» на Алтае: картографирование географического ареала традиции // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2009. С. 190–229.

Махова 2018 — *Махова Л. П.* Музыкальный фольклор Алтая: коллекции аудиозаписей Научного центра (лаборатории) народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского // Музыкальная культура Сибири: источники, традиционные и академические формы творчества: Сб. ст. Всерос. науч. конф. (25–26 октября 2018 г.). Новосибирск: Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки, 2018. С. 89–115.

Савельева 2014 — *Савельева Н. М.* «Стрела» в Восточном Полесье: обряд и песня // Вопросы этномузыкознания. 2014. № 2 (7). С. 35–47.

Смірнова 2005 — *Смірнова І. Ю.* Песенная прастора вясны. Ушэсце ў Неглюбцы // Комплекснае даследванне фальклору і этнакультуры Палесся: Матэр. II Міжнар. навуковай фальклорна-этналінгвістычнай канф. (14–15 красавіка 2005 г.). Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, 2005. С. 225–230.

© Л. П. Махова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Махова Л. П. <https://orcid.org/0000-0002-9105-958X>

Научный сотрудник Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Б. Никитская, д. 13/6; тел.: +7 (495) 629-20-60; e-mail: maxoba@mail.ru

“I was Ferocious Walking on Mountains”: A Round Dance by the “Polish” Old Believers from Stepan I. Gulyaev’s Collection

Lyudmila P. Makhova

(Tchaikovsky Moscow State Conservatory: 13–6, Bolshaya Nikitskaya str.,
Moscow, 125009, Russian Federation)

Summary. This article deals with the round dance song of the “Polish” Old Believers “Ya lyuta byla po goram khodit” (“I was ferocious walking on mountains”; its other name is “The Arrow”). Five versions of the song were recorded in the Altai region, the Republic of Altai and the Republic of Kazakhstan, in 1976–2016. The Old Believers brought this song with them from Starodub and Vetka, having settled in Altai by a decree of Catherine II in 1766. The author was able to identify three song plots that are genetically related to the Polesye rite called “funeral of the arrow.” They are performed to the same tune as “The Arrow,” with the song stanza rhyme scheme AABB; these reveal features of the Old Believers’ musical style.

In contrast to Polesye, in Altai a formal chant accompanied not only processions, but also round dances, which was noted by S. I. Gulyaev and confirmed by expedition records. The author reconstructs two versions of the text contained in S. I. Gulyaev’s manuscript “Round Songs” (1848). The publication of the previously unpublished texts from Gulyaev’s collection together with their audio versions significantly enriches our knowledge of the Altai song tradition and reveals the uniqueness of the songs of the “Polish” Old Believers who have preserved the tune of “Arrow” for over 250 years. The tune is still connected to the spring and retains its polytextual nature.

Key words: Stepan I. Gulyaev, the Altai Region, “Polish” Old Believers, spring round dance songs, “Arrow” song.

Received: October 3, 2019.

Date of publication: March 25, 2020.

For citation: Makhova L. P. “I was Ferocious Walking on Mountains”: A Round Dance by the “Polish” Old Believers (from Stepan I. Gulyaev’s Collection). *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 11–35. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.001

References

Kavaleva R. M. (ed.) (2015) *Lokal’na-regiyanal’nyya paradygmy belaruskaga fal’kloru* [The Local-Regional Paradigms of Belarusian Folklore]. In 3 pt. Pt. 3: Pensi “Straly”. Rusal’nyya pesni [The “Arrow” Songs: Songs for the Rusal’ia Holiday]. Minsk: Belaruskii dzyarzhauuny universitet. In Belarusian.

Makhova L. P. (2009) Poseleniya staroobryadsev-“polyakov” na Altae: kartografirovaniye geograficheskogo areala traditsii [The Settlements of the “Polish” Old Believers in Altai: A Mapping of the Geographical Area of the Tradition]. In: Kliment Vasilevich Kvitka i aktual’nye problemy etnomuzykologii [Kliment Kvitka and Current Problems of Ethnomusicology]. Moscow: NITs “Moskovskaya konservatoriya”. Pp. 190–229. In Russian.

Makhova L. P. (2018) Muzykal’nyi fol’klor Altaya: kolleksii audiozapisei Nauchnogo tsentra (laboratorii) narodnoi muzyki im. K. V. Kvitki Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. P. I. Chaikovskogo [Altai Musical Folklore: The Phonogram Collection of the Kliment Kvitka Research Center for Folk Music (Laboratory) of

the Tchaikovsky Moscow State Conservatory]. In: *Muzykal’naya kul’tura Sibiri: istochniki, traditsionnye i akademicheskie formy tvorchestva* [The Musical Culture of Siberia: Sources, Traditional and Academic Forms of Creativity]. Novosibirsk: Novosib. gos. konservatoriya im. M. I. Glinki. Pp. 89–115. In Russian.

Marchenko Yu. I. (1989) Pesennyi repertuar obryada “pokhoron strely” [The Song Repertoire of the Rite “Funeral of the Arrow”]. In: *Russkii fol’klor* [Russian Folklore]. Vol. XXV. Leningrad: Nauka. Pp. 159–181. In Russian.

Savelyeva N. M. (2014) “Strela” v vostochnom Poles’e: obryad i pesnya [“The Arrow” in Eastern Polesye: Ritual and Song]. *Voprosy etnomuzykologii* [Problems of Ethnomusicology]. 2014. No. 2 (7). Pp. 35–47. In Russian.

Smirnova I. Yu. (2005) Pesennaya prastora vyasny. Ushestse u Neglyubtsy [Song Space of the Spring: Ascension in Neglubka]. In: *Kompleksnae dasledvanne fal’kloru i etnakul’tury Paleessya* [Many-Sided Study of the Folklore and Ethnic Culture of Polesye]. Minsk: Belaruskii dzyarzhauuny universitet. Pp. 225–230. In Belarusian.

© L. P. Makhova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila P. Makhova <https://orcid.org/0000-0002-9105-958X>

E-mail: maxoba@mail.ru

Tel.: +7 (495) 629-67-11

13–6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 121009, Russian Federation

Research Fellow, Kliment Kvitka Research Center for Folk Music, Tchaikovsky Moscow State Conservatory

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)